

ИЗЪ ПРУССІИ.

(ВЪ ГЛЫЯ ЗАМѢТКИ.)

Обстоятельства *заставили* меня, въ началѣ этого года, оставить военную службу и избрать другое поприще, для основательнаго изученія котораго я, преимущественно, и предпринялъ путешествіе за границу. Обстоятельства или соображенія могутъ заставитьъ перемѣнить службу, но если вы имѣли хоть небольшое призваніе къ ней, то воспоминанія невольно влекутъ васъ къ предметамъ, которыми вы такъ долго занимались, которые составляли ежедневную тему разговоровъ и споровъ съ товарищами, за которые вы получали награды и, вѣроятно, сидѣли иногда на гауптвахтѣ, къ предметамъ, которые вы успѣли полюбить и интересуетесь ими, когда встрѣчаете подъ другой формой, на чужой сторонѣ. Къ сожалѣнію, новыя мои занятія не позволили мнѣ заняться болѣе глубокимъ наблюденіемъ того, что я здѣсь видѣлъ и вижу. Я прошу читателя обратить вниманіе на самое заглавіе статейки: это не болѣе, какъ *блѣдныя* замѣтки, набросанныя въ минуту досуга, безъ всякаго плана, *сop amoge*.

Прочитавши нѣсколько сотъ страницъ о прусской арміи да нѣсколько сочиненій прусскихъ писателей, я составилъ себѣ о ней самое высшее понятіе, особенно о нравственныхъ качествахъ ея. По пріѣздѣ въ Берлинъ, я побывалъ въ казармахъ

1-го гвардейскаго драгунскаго полка, видѣлъ нѣсколько ученій и нѣсколько парадовъ блестящей, хотя и безъусой гвардіи, поз-накомился съ пятью, шестью офицерами, толковалъ съ ними, спрашивалъ, не упустилъ случая завязать разговоръ со всякимъ военнымъ существомъ, гдѣ бы то ни было: въ трактирѣ, въ кофейнѣ, въ вагонѣ и т. д. Мнѣ казалось, что мнѣніе, которое я себѣ составилъ, дѣйствительно вѣрное. Но я забывалъ, что мнѣ удалось видѣть одну наружную, выполированную сторону, и, главное, что менѣ всего можно судить о достоинствахъ какой нибудь арміи по гвардейскимъ войскамъ ея.

Судьба забросила меня, въ октябрѣ, въ г. Боннъ, на берегу Рейна, верстахъ въ 25 отъ Кельна, гдѣ постоянно квартируетъ 7-й гусарскій полкъ. Тутъ я увидѣлъ и другую сторону.

Черезъ нѣсколько дней по приѣздѣ, мнѣ случилось проходить мимо станціи желѣзной дороги, гдѣ только что остановился поѣздъ; изъ вагоновъ высадились человѣкъ 150 молодыхъ людей въ крестьянскихъ блузахъ, курткахъ и частію въ сюртукахъ, съ котомками на спинѣ. Они весело разговаривали, нѣкоторые пѣли, многіе, казалось, были навеселѣ и нѣжно обнимались. Крикъ и гамъ былъ весьма значительный, такъ что всѣ прохожіе останавливались.

— Это, вѣроятно, рекруты? спросилъ я, молодаго человѣка, смотрѣвшаго на нихъ съ особеннымъ участіемъ.

— Да. Меня не взяли! Недостаетъ одного пальца на ногѣ; а сильно хотѣлось послужить въ гусаряхъ.

Два унтеръ-офицера построили новобранцевъ и повели въ казармы. Двѣ или три старухи да одинъ старичекъ провожали своихъ дѣтей, но безъ слезъ и совершенно спокойно разговаривали съ ними, даже шутили. Дорогой рекруты хоромъ запѣли какую-то пѣсню, въ которой говорится, что гусаръ осѣдлаетъ лихаго коня, конь побѣжитъ галопомъ, гусаръ зарядитъ ружье и выстрѣлитъ изъ него, а потомъ изрубитъ саблею нѣсколько десятковъ враговъ отечества. Если Нѣмцы имѣютъ иногда по-ползновеніе выказатъ удалъ, то она выходитъ у нихъ еще тяжелѣе ихъ Butter-Klöße (нѣчто въ родѣ варениковъ, вѣсомъ въ полфунта). Въ знакъ веселья, рекруты бросали вверхъ шапки и привѣтствовали прохожихъ, которые ласково отвѣчали имъ на поклонны.

Такъ вотъ въ какомъ настроеніи духа идутъ, въ этой счастливой странѣ, подъ «бѣлый ремень» и подъ «красную шапку»,

невольнo подумалъ я. Это рекомендуетъ военную службу въ Пруссiи. Какой контрастъ между этими лицами, этимъ весельемъ и горькими слезами, сопровождающими у насъ вступленiе на службу!

Дней черезъ пять я улучилъ свободную минуту и отправился въ гусарскiя казармы, расположенныя въ концѣ города. Въ нихъ помѣщаются 4 эскадрона, а 5-й, резервный, стоитъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Казармы — какъ казармы: въ серединѣ помѣщенiя для людей, кругомъ конюшни. Офицеры почти всѣ живутъ на частныхъ квартирахъ. На казарменныхъ дворахъ производятся только пѣшiя ученiя, а для конныхъ есть тутъ же недалеко небольшой плацъ, на которомъ, впрочемъ, и одному эскадрону тѣсно. Тамъ же и манежъ, лошадей на 20,—одинъ на весь полкъ; но и тѣмъ рѣдко пользуются, благодаря утѣренности климата.

У воротъ казармъ стоялъ часовой. Не зная, что входъ постороннимъ запрещенъ, я хотѣлъ было прямо пройти, но былъ остановленъ довольно грубо:

— Куда? Что вамъ надо?

— Я хочу видѣть казармы.

— Нельзя. Если хотите, то подождите, пока придетъ дежурный унтеръ-офицеръ. Можетъ быть, онъ вамъ позволитъ.

Я изъявилъ согласiе подождать. Дежурный унтеръ-офицеръ дѣйствительно скоро пришелъ и разрѣшилъ мнѣ входъ. Это оказался ловкiй и очень любезный молодой человекъ. Я предложилъ ему сигару и спросилъ, нельзя ли мнѣ войти и въ конюшни.

— Къ сожалѣнiю, не могу вамъ этого разрѣшить. Позвольте узнать, съ какою цѣлю вы интересуетесь всѣмъ этимъ? Судя по выговору, вы иностранецъ.

— Я русскiй кавалеристъ и хотѣлъ бы ознакомиться съ организацiею прусскихъ войскъ.

— Ааа! Вы русскiй офицеръ. Вы, вѣроятно, были въ Крыму, въ Севастополѣ?

— Нѣтъ, не былъ. Да нельзя ли въ конюшню-то?

— Въ такомъ случаѣ, Herr Lieutenant, говоритъ унтеръ-офицеръ еще любезнѣе:—я пойду изложить вашу просьбу г. дежурному офицеру, который вѣрно вамъ не откажетъ.

— Очень вамъ благодаренъ, Herr Unter-Officier.

Мой новый знакомый съ нѣмецкой акуратностию потушилъ

сигару, чтобы вмѣстѣ съ пепломъ не высыпалось немного табаку, спряталъ ее въ лѣвую руку, надѣлъ на правую перчатку, осмотрѣлъ, всѣ ли пуговицы въ порядкѣ и такъ ли надѣта сабля, и пошелъ въ казарму. Минуть черезъ пять онъ вернулся, и я уже направился было къ конюшнѣ, увѣренный, что мнѣ вѣрно не откажутъ въ такой пустой просьбѣ. Не тутъ-то было.

— Г. дежурный велѣлъ васъ спросить, не имѣете ли вы еще какую нибудь цѣль при осмотрѣ нашихъ казармъ?

— Рѣшительно никакой, кромѣ простаго любопытства.

Унтеръ-офицеръ опять уходитъ. Я жду еще минутъ пять. Унтеръ-офицеръ возвращается:

— Г. дежурный желаетъ знать ваше имя.

Я вынулъ карточку и просилъ передать. Наконецъ г. дежурный разрѣшаетъ мнѣ вкусить запрещеннаго плода, т. е. войти въ конюшню. Для чего нужны были всѣ эти церемоніи, не понимаю.

Конюшни каменные, полъ выстланъ кирпичемъ и цементомъ. Подстилки немного и конямъ стоять твердо, за то чисто: вездѣ посыпано пескомъ и вездѣ порядокъ. Сѣдла и уборы висятъ тутъ же, на столбахъ. Окна вымыты. Воздухъ чистъ, на сколько это возможно при довольно тѣсной постановкѣ лошадей, но при хорошей вентиляціи; амьчагнаго запаху почти не слышно. Стойла нѣсколько покаты къ серединѣ, такъ что моча тотчасъ же стекаетъ, собирается въ каменныхъ желобахъ, идущихъ вдоль всѣхъ стойлъ, и отводится въ навозныя ямы. Туда же стекаетъ и вода, которою моютъ нѣсколько разъ въ недѣлю самыя стойла. Каждая лошадь имѣетъ отдѣльныя каменные ясли; въ нихъ получаютъ онѣ овесъ смоченнымъ и пополамъ съ рѣзкой.

На дворѣ производилось пѣшее одиночное ученіе. Это были новые защитники Германіи, которыхъ я встрѣтилъ у желѣзной дороги, но уже съ нѣсколько осаженымъ воинственнымъ пыломъ. Они были наряжены въ старые доломаны, сидѣвшіе чрезвычайно неловко, большею частію съ короткими и узкими рукавами, что не могло имъ придавать особенно красиваго вида. На головахъ форменная прусская фуражка, уродливѣе какихъ я въ жизнь свою не видывалъ. Наша фуражка взята съ прусской (какъ и многое другое), но понемногу переобразовалась въ извѣстный, такъ называемый «блингъ», который если и не защищаетъ глазъ отъ солнца (что немало, вѣроятно, способствуетъ сильному свирѣпствованію въ нашихъ войскахъ, почти каждую весну, ку-

риной слѣпоты), то, по крайней мѣрѣ, будучи надѣтъ нѣсколько щегольски, на бекрень, имѣеть довольно красивый видъ. Прусская же фуражка (я говорю о форменной, которая носится только на службѣ: внѣ службы солдаты стыдятся ихъ носить и имѣють собственныя, маленькія) все еще осталась въ перво-бытномъ своемъ состояніи и походить на нашу фурштатскую, только безъ козырька и околышекъ немного уже, или, пожалуй, на бывшіе кивера нашихъ будочниковъ, только пониже. Уродливость и недостатокъ вкуса поразительные.

Въ этомъ-то красивомъ головномъ уборѣ стояли человекъ 20, безъ оружія, вытянутые въ одну шеренгу. Лица казались спокойными; по крайней мѣрѣ, не было видно запуганности и страха, составляющихъ типическое выраженіе нашихъ рекрутъ, когда ихъ ставятъ въ строй. Передъ фронтомъ унтеръ-офицеръ весьма почтенной наружности, спокойно, громко и ясно толковалъ, что когда онъ скамандуетъ: глаза направо! то чтобы всѣ и повернули головы направо, а когда: глаза налево, такъ налево; да чтобы часомъ кто не ошибся и помнили бы гдѣ какая сторона. Поодоль стоялъ офицеръ, наблюдавшій за ученьемъ.

— Такъ смотрите же, повторяетъ унтеръ-офицеръ:—постарайтесь. Глаза направо! Вижу, что унтеръ-офицеръ дѣйствительно не даромъ предупреждалъ, чтобы кто нибудь не ошибся: одинъ-таки повернулъ голову налево, но тотчасъ, разумѣется, поправился, встрѣтивъ насмѣшливое лицо своего сосѣда, которое, казалось, говорило: что, братъ, обмишурился; а вотъ я такъ уже знаю свое дѣло!

— Ахъ ты проклятая скотина, глупая баранья голова! (*Verfluchtes Biest, dummer Schafskopf*) раздается голосъ учителя. — Подожди, братъ, я до тебя еще доберусь; ошибись мнѣ вотъ еще разъ! и онъ оснащаетъ рѣчь еще нѣсколькими эпитетами, рѣшительно неудобопроводимыми въ печати, даже въ такомъ холостомъ журналѣ, какъ «Военный Сборникъ». Я слышу тутъ выраженія, которыя не уступаютъ даже нашимъ въ цвѣтистости; но рѣшительно не хочу вѣрить своимъ ушамъ. Какъ! Такъ это та Пруссія, гдѣ офицеры обязаны говорить солдатамъ вы, гдѣ съ нихъ взыскиваютъ (т. е. по уставу), если они нарушаютъ это правило, гдѣ солдаты якобы даже не понимаютъ возможности существованія тѣлеснаго наказанія, и т. п. идиалліи. Да у насъ, въ странѣ, прославленной грубымъ и жестокимъ обхожденіемъ, унтеръ-офицеръ въ присутствіи не каждаго офи-

цера рѣшится употребить подобныя выраженія. Дѣло становится, однакожь, весьма интереснымъ; я подхожу ближе и начинаю смотрѣть и слушать съ удвоеннымъ вниманіемъ.

Учитель опять командуетъ: «глаза направо!» На этотъ разъ всѣ сдѣлали правильно; онъ приближается къ фронту и поправляетъ каждого человѣка. Когда очередь доходитъ до провинившагося, онъ *подставляетъ ему кулакъ подъ носъ* и говоритъ самымъ нешуточнымъ тономъ:

— Ошибись, проклятая кукушка, ошибись только вестфальская закормленная гусыня: я изъ тебя приготовлю паштетъ.

Но удивленію моему предстояло идти crescendo. Во время этого выразительнаго монолога, виновный солдатъ повернулъ какъ-то голову, вѣроятно, чтобы смотрѣть говорившему въ глаза, какъ требуется и здѣсь (хотя и не ѣсть глазами начальника, какъ выражались наши дипломаты). И что жъ я вижу? Кулакъ, подставленный было подъ носъ, совершенно безцеремонно даетъ ей, т. е. головѣ, то направленіе, которое она должна имѣть по смыслу команды; даже какъ будто излишне отнимается ее назадъ, т. е., по просту сказать, утеръ-офицеръ даетъ рекруту «въ зубы».

Рекрутъ промолчалъ. Утеръ еще что-то проворчалъ и отправился поправлять слѣдующаго. По хладнокровію, съ которымъ онъ все говорилъ и дѣлалъ, было видно, что это общепринятая иль манера обращенія.

— Развѣ у васъ позволено бить людей? спросилъ я моего знакомаго, дежурнаго утеръ-офицера.

— Нѣтъ, не позволено. Да безъ этого съ рекрутами нельзя вѣдь почти все мужичье.

— Что жъ, они могутъ, однако, жаловаться?

— Могутъ, да никогда не жалуются: утеръ-офицеру все равно ничего не будетъ за это, а его самого такъ доѣдутъ, что онъ жизни не будетъ радъ.

— А офицеры тоже бьютъ иногда?

— Случается-таки иногда, что дастъ пощечину. А правда, что у васъ въ Россіи людей все еще бьютъ шпицрутенами?

Я предложилъ моему спутнику другую сигару....

Какъ видите, прусскіе солдаты, быть можетъ, и понимаютъ возможность существованія тѣлеснаго наказанія. Офицеры же относятся къ людямъ, такъ же, какъ и мы грѣшныя, на ты, и

только для унтеръ-офицеровъ дѣлаютъ исключеніе, относясь къ нимъ въ третьемъ лицѣ, что есть чисто-нѣмецкое изобрѣтеніе (Фридрихъ великій говорилъ этимъ способомъ со всѣми). Офицеры смотрятъ на грубое обращеніе съ людьми весьма равнодушно, равнодушнѣе нашей молодежи, въ которой, въ послѣднее время особенно, сильно пробудилось многое благородное, долго дремавшее подъ снудомъ. Можно почти сказать, что общее мнѣніе здѣсь считаетъ подобное обращеніе необходимымъ, что нѣтъ никакого побужденія оставить его, и не дѣлается никакихъ усилій для его измѣненія, ни сверху, ни снизу. Какъ это ни покажется страннымъ тѣмъ, которые, быть можетъ, вмѣстѣ со мною были очень высокаго мнѣнія объ обращеніи съ людьми въ Пруссіи, но я пишу голые факты. Мало того: въ прусской арміи, да и вообще въ гуманной Германіи, есть даже много партизановъ *болѣе общаго введенія палочнаго наказанія*, которое *существуетъ* здѣсь (чего я, признаюсь, не зналъ), только съ большими ограниченіями, да и случаи приимѣненія его рѣдки (*). Ему могутъ быть подвергаемы только люди уже оштрафованные, и то не иначе, какъ по суду. Нѣсколько недѣль тому назадъ, въ седьмомъ гусарскомъ полку была подобная экзекуція.

Я сказалъ, что въ Германіи есть еще много партизановъ палочнаго наказанія. Они есть и у насъ, и, вѣроятно, даже въ большемъ числѣ; но Россія, сравнительно, поставлена все-таки въ гораздо выгоднѣйшее положеніе. У насъ эти диллетанты принуждены молчать передъ осилившимъ мнѣніемъ большинства, и споръ о томъ, «сѣчь или не сѣчь», кажется рѣшеннымъ въ ущербъ прежнему принципу: «мужика можно посѣчь; отчего мужика и не посѣчь иногда?» Но пока наши диллетанты молча ждутъ у моря погоды и вымѣщаютъ злобу на своихъ деньщикахъ, нашелся защитникъ ихъ теоріи здѣсь, на берегахъ Рейна. Авторъ брошюры (не лишенной, впрочемъ, достоинства и интереса) «Cavallegie-Skizzen», князь Эмилій Витгенштейнъ, совершенно серьезно старается доказать, что напрасно общее мнѣніе такъ преслѣдуетъ наказаніе палками, что оно имѣетъ свои достоинства и

(*) Вѣроятно, тѣлесное наказаніе допускается и гражданскими законами въ Пруссіи. Я видѣлъ въ Берлинѣ, на Gensd'armen Markt, прибитымъ, на такъ называемой Franzosische Kirche, слѣдующее полицейское предостереженіе: загрязненіе этого мѣста воспрещается подъ опасеніемъ такого-то денежнаго взмаканія или соотвѣтствующаго ему тѣлеснаго наказанія (bei Leibesstrafe). *Лет.*

свои «удобства». По его мнѣнію, оно не дѣйствуетъ вредно на моральную силу войска, не унижаетъ солдата въ глазахъ его товарищей, а принимается имъ въ родѣ пощечинъ, получаемыхъ отъ своего же брата во время ссоры въ кабацѣ. Особенно же «удобенъ» этотъ способъ наказанія будто бы потому (между прочимъ), что его весьма легко приводить въ исполненіе, такъ что кара можетъ послѣдовать тотчасъ за виной. Но чуть ли не главное его достоинство почтенный авторъ видитъ въ возможности примѣненія его *даже подъ огнемъ непріятеля*, когда всѣ другіе способы взыскапія невозможны (!!). Онъ вѣрно пошутилъ.

Несмотря на то, что и мы, полудивилизованные, уже не споримъ о палкахъ, я хочу сказать нѣсколько словъ о доводахъ, приводимыхъ г. Витгенштейномъ въ доказательство. Первый, будто бы палки не вредятъ солдату въ глазахъ его товарищей, справедливъ въ томъ только случаѣ, когда и товарищей бьютъ, то есть когда бьютъ всѣхъ и за все. Такой односторонности и самъ авторъ, кажется, не желаетъ, а если желаетъ, то смотритъ на армію какъ на арестантскую или исправительную роту.

Если человѣкъ поспоритъ въ кабацѣ и получить тамъ пощечину, то она, положимъ, и глубоко обижаетъ его. Но обида эта тотчасъ уменьшается сознаниемъ обиженного, что онъ можетъ отплатить за нее тѣмъ же; сознание это обыкновенно приводится въ дѣйствіе, нерѣдко въ удвоенномъ масштабѣ, то есть давшему одну пощечину отдають двѣ. Дѣло кончается тѣмъ, что обѣ стороны считаютъ, что онѣ болѣе дали, нежели получили, и, довольныя собою, совершенно удовлетворяются этимъ убѣжденіемъ. Самолюбіе ихъ тутъ дѣйствительно не страдаетъ.

Совсѣмъ не то бываетъ съ самолюбивцемъ, когда человѣка дерутъ, особенно если онъ подвергается истязанію въ первый разъ и не притупленъ еще окружающею сферою. Еслибъ авторъ часто присутствовалъ при экзекуціяхъ и если бы имѣлъ случай наблюдать потомъ пациентовъ, быть можетъ, онъ и остерегся бы сдѣлать свое сравненіе. Наша литература, да и самый народъ прекрасно разъяснили легкость, съ которою падали у насъ и крѣпкіе характеры, подъ вліяніемъ розогъ. Недаромъ сложилась на Руси пословица: «первая коломъ, вторая соломъ, а третья сама просится». Она имѣетъ двойной смыслъ. Кромѣ того, если будетъ существовать тѣлесное наказаніе безъ суда, то очень вѣроятно, что къ нему, какъ къ болѣе «удоб-

ному», и будутъ преимущественно прибѣгать, а аресты и прочее будетъ оставлено, или, другими словами, вернутся къ добромому старому времени. А вотъ вамъ приличный случай изъ нашего добраго стараго времени, который я слышалъ отъ очевидцевъ: это одинъ изъ тысячи.

Драгунскимъ эскадрономъ командовалъ капитанъ Онуфрій Ивановичъ, не имѣвшій привычки знать фамиліи людей своей части. Но этого, разумѣется, нельзя было показывать, и потому, на ученьяхъ, онъ придирался къ тѣмъ, которыхъ зналъ (слово «придираться») было въ то время синонимъ слова палки). Разъ, на эскадронномъ ученьи, онъ замѣтилъ, что въ третьемъ взводѣ, въ которомъ служилъ знакомый ему солдатъ Феклисовъ, люди не совсѣмъ отчетливо ровняются. Капитанъ подскочилъ къ третьему взводу и крикнулъ, не относясь, впрочемъ, ни къ кому особенно:

— Ты, Феклисовъ, опять не ровняешься! Вотъ я же тебя!... Слѣзай!... Эй! палокъ!...

Два унтеръ-офицера слѣзли и, взявъ нѣсколько палокъ изъ запаса, всегда имѣвагося подъ трокомъ, выбѣжали передъ фронтъ, съ обыкновеннымъ своимъ равнодушнымъ выраженіемъ лица, которое ясно доказывало, что дѣло это для нихъ привычное. Никто, однако, не слѣзалъ въ третьемъ взводѣ.

— Что жъ я тебя, просить буду, что ли? повторилъ Онуфрій Ивановичъ, отыскивая глазами Феклисова.

Онъ привыкъ его видѣть въ первой шеренгѣ, около карабинера, но сегодня не находилъ на этомъ мѣстѣ.

— Феклисовъ, ваше благородіе, остался на конюшнѣ.

— А тебя кто спрашиваетъ? тотчасъ же нашелся капитанъ: — дай этому карабинеру двадцать горячихъ, чтобы не разговаривалъ.

Сѣдой карабинеръ слѣзъ, сдалъ свою лошадь сосѣду и вышелъ передъ фронтъ. Одинъ изъ унтеръ-офицеровъ приподнял ему фалды, а другой позаботился, чтобы онъ держалъ руки повыше, чтобы не задѣть по нимъ. По полученіи десяти ударовъ, онъ сказалъ довольно спокойнымъ, но тихимъ и нѣсколько дрожащимъ голосомъ, въ которомъ слышался упрекъ за наказаніе, переносимое безъ вины:

— *Аюхрій* Ивановичъ, помилуйте!...

Онуфрій Ивановичъ притворился, будто бы не слышитъ; когда двадцать ударовъ были отсчитаны, фалды опущены и карабинеръ уже собирался садиться, онъ остановилъ его словами:

— Дай ему еще двадцать, да погорячѣе, чтобы онъ меня

не перекрещивалъ: я Онуфрій, а не Анохрій, и подь шумокъ вновь посыпавшихся ударовъ онъ отъѣхалъ къ правому флангу эскадрона, самодовольно улыбаясь своей остротѣ. А, между тѣмъ, капитанъ не былъ жестокой человѣкъ: просто, общій взглядъ былъ такой, что палками можно было даже шутить. Пруссія также имѣла свой длинный періодъ палокъ, да еще палокъ по формѣ, красовавшихся въ рукахъ всѣхъ начальствующихъ лицъ, отъ капрала до генерала; особенно первые знали, «зачѣмъ они обязаны ее носить». И едва минуло это время, какъ предлагаютъ вернуться къ нему!

Но возвратимся на дворъ гусарской казармы, гдѣ мы оставили рекрутъ съ ихъ суровымъ учителемъ. Повторивъ еще разъ десять ворочаніе глазъ, онъ началъ маршированіе рядами, но на большую дистанцію, такъ что обучающій долго могъ наблюдать каждую пару. Маршированіе было какимъ-то особеннымъ учебнымъ шагомъ, о которомъ у насъ, къ счастью, до сихъ поръ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Человѣка заставляють тихо поднять ногу, броситься на нее быстро всею тяжестью тѣла, а другую оставить сзади, на отлетѣ, и потомъ опять тихо выдвинуть впередъ. Цѣль этихъ полускачковъ я не понимаю. Они продолжались по крайней мѣрѣ часъ, но и тутъ ученіе еще не было кончено, а рекрутъ послали принести себѣ сабли и показывали держаніе ихъ и два или три первоначальные приема. Въ пѣшемъ строю здѣсь держатъ голую саблю не съ боку, какъ у насъ, а на серединѣ живота. Сабли почти прямыя и довольно большія, а такъ какъ въ гусары подбирають все людей видныхъ, но маленькаго роста, то сабли и хватають многими почти подъ мышку. Ефесы гораздо лучше нашихъ защищаютъ руку, хотя тяжелѣе, и потому дѣлають саблю неудобною къ рубкѣ и уменьшаютъ силу ударовъ. Они составлены изъ плоскихъ, довольно широкихъ и гладкихъ полосокъ стали, идущихъ вдоль и поперегъ, по которымъ всякій ударъ долженъ проскользнуть.

Изъ одной конюшни начали выводить на плацъ лошадей, и я отправился смотрѣть на конное ученіе. Вахмистръ построилъ людей, черезъ пять минутъ явился ротмистръ съ хлыстикомъ въ рукахъ, со стеклышкомъ въ правомъ глазу, щеголевато одѣтый, и какимъ то вяло-протяжнымъ тономъ скомандовалъ: «садись!»

Это были люди (человѣкъ 20), уже прослужившіе около двухъ лѣтъ. Они сидѣли на длинныхъ стременахъ и имѣли довольно красивую посадку: все лошади шли на мягкихъ поводъ-

яхъ, чего у насъ съ большимъ трудомъ, и то не всегда, *добиваются* уже отъ старыхъ солдатъ. Большая часть рекрутъ, поступающихъ здѣсь на службу въ кавалерію, привыкла обходиться съ лошадыю: это или сыновья зажиточныхъ крестьянъ, или служившіе работниками у значительныхъ землевладѣльцевъ. У насъ люди, положимъ, также имѣли дѣло, до службы, съ лошадьми, но наши крестьянскія лошади не могутъ идти въ параллель съ здѣшними, рослыми, сытыми и холеными конями, на которыхъ не поѣдешь на тоненькихъ веревочкахъ, безъ узды.

Бѣда продолжалась цѣлый часъ; она такъ сходна съ нашей, что я не распространяюсь о ней. Здѣсь все еще существуетъ собранная рысь и нѣчто въ родѣ курцъ-галопа, для чего предварительно командуются: «*im verkürzten Tempo*». Траверсовъ, ранверсовъ, вольтовъ почти не дѣлали, но часто переходили изъ одного аллюра въ другой, при чемъ требовали особенно отчетливаго исполненія. Къ концу ученія, лошади были сильно упарены, несмотря на то, что было не болѣе 8° тепла. Но на это, повидимому, никто не обратилъ ни малѣйшаго вниманія, и люди прямо съ плаца, верхомъ же, поѣхали къ казармамъ. Русскій ротмистръ ужъ непременно спѣшилъ бы ихъ, заставилъ бы покрыть лошадей попонами, пожалуй даже обвязать имъ шеи и водить, пока не просохнуть. У насъ есть и такіе офицеры, которые и ученье-то производятъ всегда такъ, чтобы лошади вовсе не вспотѣли. Здѣсь лошади, несмотря на ежедневное ученье по часу, получаютъ ту же дачу, что у насъ, и въ очень хорошемъ тѣлѣ, о чемъ у насъ все еще хлопочуть, какъ о главномъ условіи.

Гусарскіе кони довольно мелки: двухъ-вершковыхъ немного, но очень многіе едва достигаютъ одного вершка. На масть не обращено вниманія: рыжіе, сѣрые, вороные, буланые стоятъ рядомъ. Читателямъ «Военнаго Сборника» долженъ быть извѣстенъ здѣшній способъ ремонтрованія. Лошадей покупаетъ у частныхъ лицъ особенная комиссія, отправляетъ ихъ въ ремонтное депо, гдѣ онѣ остаются до четырехъ лѣтъ (если мо-
ложе) и отсюда безъ брака сдаются въ полки и батареи. Такимъ образомъ онѣ обходятся правительству дорого, кажется болѣе 200 талеровъ, но нельзя сказать, чтобы были хороши. Въ легкой кавалеріи преимущественно лошади, производимыя восточными провинціями королевства (Познань и собственно Пруссія); есть много лошадей, приведенныхъ прежде изъ южной и юго-западной Россіи еврейями-барышниками, и я узналъ не одного уро-

женца родныхъ степей. Теперь выводъ запрещенъ, слѣдовательно уменьшится запросъ, прекратится и продажа, а вмѣстѣ съ нею и производство, которое призы на скачки едва ли въ состояніи поддержать. Вѣроятно, запрещеніе это только временное и основано не на экономическихъ, а на современныхъ политическихъ соображеніяхъ.

За типъ прусской легко-кавалерійской лошади можно почти принять польскую породу: довольно высокія, тонкія ноги, узкая грудь, тоненькая шейка, способная граціозно согнуться, хорошенькая головка съ мягкимъ ганашемъ; все это красиво, но не прочно. Къ тому же лошади хотя и ѣздятся каждый день, но изнѣжены хорошею конюшней и рѣшительно не приучены къ усиленнымъ трудамъ. Самый взглядъ офицеровъ на трудъ, который должна и можетъ переносить строевая лошадь, показался мнѣ весьма страннымъ. (Мы также грѣшимъ тутъ, да не о томъ теперь рѣчь.) Переходъ на маневрахъ въ 30 — 35 верстъ, большею частью, разумѣется, шагомъ, почитается уже весьма значительнымъ, и офицеры рассказывали мнѣ какъ о чемъ-то необыкновенномъ, что они разъ дѣлали три дня средю по 30 съ чѣмъ-то верстъ. На это я отвѣтилъ, что наша кавалерія не разъ дѣлала три дня сряду по 80 верстъ, да еще везла на спинахъ своихъ лошадей полный трехдневный запасъ фуража, да сухарей дней на десять, да разные колья и арканы для коновязей. Прусскіе офицеры очень деликатно дали мнѣ понять, что дѣло подлежитъ сомнѣнію, что, быть можетъ, наши степняки въ состояніи выдержать такой моціонъ, но на ихъ лошадяхъ, воспитанныхъ не въ полѣ, а въ конюшнѣ, изъ которой онѣ почти не выходятъ до самой продажи (*), этого рискнуть нельзя.

— Да отчего же не рискнуть? Вѣдь Цитенъ и Зейдлицъ ходили такъ? •

— О! Цитенъ ходилъ, ja wohl, но теперь, знаете, уже не тѣ времена. Да и не зачѣмъ дѣлать такіе переходы и морить напрасно людей и животныхъ. Посмотрите на карту: вся Германія взрѣзана вдоль и поперекъ желѣзными дорогами. Гораздо проще посадить, въ случаѣ надобности, полкъ въ вагоны и перевезти его.

— Правда, это проще.

Офицеры всѣ имѣютъ по двѣ верховыхъ лошади, нѣкоторые даже по три и болѣе, несмотря на то, что почти всѣ они люди

(*) Здѣсь лѣтомъ скотъ и лошадей не пасутъ; скошенной травою ихъ кормятъ въ стойлахъ. Исключенія очень рѣдки, особенно для лошадей. *Лст.*

съ ограниченнымъ состояніемъ, которые для того, чтобы доставить себѣ эту роскошь, отказываются отъ многого другаго и принуждены вести самую скромную жизнь. Какъ-то разъ, въ вагонѣ, я разговорился объ этомъ предметѣ съ гвардейскимъ уланомъ, увѣрившимъ, что у него пять верховыхъ лошадей.

— Зачѣмъ же вамъ такое множество?

— Какъ зачѣмъ? Да, напримѣръ, на маневрахъ я всегда мѣняю два раза лошадь. (Надобно сказать, что Пруссаки о своихъ маневрахъ, обыкновенно продолжающихся нѣсколько дней, при чемъ войска бивуакируютъ, необыкновенно высокаго мнѣнія и гордятся ими часто больше, нежели, въ простодушіи своемъ, другой защитникъ Севастополя, выйдѣвшій въ немъ всѣ одиннадцать мѣсяцевъ.)

— Зачѣмъ же вы мѣняете на маневрахъ два раза лошадь?

— У насъ маневры вѣдь не шуточные. Лошади устаютъ — нельзя же ихъ мучить.

— Чтожь что устаютъ? И люди устаютъ, такъ животное-то можетъ потерпѣть. Къ тому же военная лошадь должна быть приучена къ трудамъ болѣе нежели всякая другая. Солдатскія лошади переносятъ же: отчего же ваша, которая и лучше и несетъ меньшую тяжесть, не можетъ выдержать? Вѣдь если придется маневрировать не передъ мнимымъ, а настоящимъ непріателемъ, то не всегда можно мѣнять лошадь.

— Ги... Да неужели у вашихъ офицеровъ только по одной лошади?

— У большинства по одной. Если у кого есть кровная, дорогая лошадь, то онъ, чтобы не рисковать ею, держитъ иногда подѣздка. Но въ арміи это рѣдкое исключеніе.

— Какъ же вы обходитесь одной лошадыю?

— Да такъ и обходимся: ѣздимъ—и конецъ. Арабы не даромъ говорятъ, что лошадь только тогда можетъ перенести, безъ вреда, усиленный трудъ, когда уже два раза вспотѣла и два раза просохла подъ сѣдокомъ. А Арабы народъ наѣздническій.

Мой уланъ сомнительно пожимаетъ плечами, насмѣшливо улыбается и видимо сожалѣетъ о русскихъ офицерахъ, у которыхъ только по одной верховой лошади, чувствуя вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ неизмѣримо выше поставлены его земляки, имѣющіе болѣе одной.

— Что, у васъ служатъ все богатые люди? вопрошаетъ онъ.

— Напротивъ: для половины офицеровъ у насъ служба составляетъ насущный хлѣбъ. Въ драгунскихъ и уланскихъ полкахъ многіе живутъ даже однимъ жалованьемъ. Но лишнихъ

верховыхъ лошадей наши офицеры не держатъ не потому, чтобы не имѣли средствъ—содержаніе ихъ у насъ дешево и почти у всѣхъ есть упряжные лошади—а потому, что находятъ это излишнимъ. И одна-то лошадь лѣнтыничаетъ всю зиму.

Здѣсь разговоръ перешелъ на другую тему.

Положимъ, что имѣть нѣсколько верховыхъ лошадей роскошь, но для кавалериста такая роскошь (въ Пруссіи, быть можетъ, правильнѣе употребить слово *мода*) весьма позволительная и даже похвальная. Жаль только, что взглядъ на назначеніе кавалерійской лошади у Пруссаковъ нѣсколько одностороненъ: онъ слишкомъ парадный, слишкомъ манежный, чисто берейторскій. И у насъ есть такой взглядъ, но со времени введенія джигитовки онъ понемногу уничтожается; здѣсь же еще положительно предпочитаютъ вѣрный аллюръ крѣпкимъ ногамъ. На службу и на все, что имѣетъ къ ней какое нибудь отношеніе, Пруссаки смотрятъ съ мелочнымъ педантизмомъ, который естественно долженъ былъ развиться въ арміи, съ 1815 года не сдѣлавшей ни одной кампаніи и въ добавокъ состоящей изъ однихъ Нѣмцевъ. Нѣтъ худшаго врага у войска, какъ долгій миръ; онъ даже хуже безславной войны, заставляя считать себя совершенствомъ и тупо покоиться на лаврахъ, сорванныхъ полвѣка тому назадъ. Пруссаки это испытали въ 1805 году.

Впрочемъ, я ошибся, сказавъ, что Пруссаки съ 1815 года не дѣлали ни одной кампаніи. Въ 1848 году они ходили въ Шлезвигъ-Гольштейнъ, гдѣ, по словамъ нѣмецкихъ остряковъ, дали генеральное сраженіе, въ которомъ убита одна старая сѣрая лошадь и ранена одна шинель; впрочемъ—прибавляютъ шутники—и это еще не доказано положительно: очень легко можетъ быть, что старая сѣрая лошадь просто пала своею смертію во время боя. Странно, что за шлезвигъ-голландскую кампанію розданы медали съ надписью: «*treu bis in den Tod*» (*вѣрны до смерти*), которыми герои этой войны немало гордятся и если не всегда носятъ самую медаль, то навѣрное никогда не забываютъ вдѣтъ въ петлицу ленточку съ черными и бѣлыми полосками. У меня уши вянутъ отъ восторженныхъ разсказовъ объ этой *картофельной* войнѣ, какъ ее называютъ въ народѣ. Смѣхъ, да и только!

Прусское обмундированіе очень схоже съ нашимъ. Гусарскій долманъ схожъ даже въ мелочахъ, но шитье, разумѣется, изъ

хорошаго тонкаго сукна и фалды нѣсколько короче, такъ что половина живота и соотвѣтствующая ему часть сзади открыты, что, при большомъ развитіи этой части (у Германцевъ оно не рѣдкость), даетъ видъ не очень авантажнѣй. Драгуны имѣютъ свѣтло-голубые сюртуки, въ родѣ нашихъ жандармскихъ, съ разноцвѣтными воротниками, по полкамъ. Воротники довольно высокіе, въ родѣ тѣхъ, какіе носились у насъ лѣтъ двадцать тому назадъ; въ добавокъ и платье шьется съ перехватцемъ, что вмѣстѣ съ воротникомъ придаетъ натянутый видъ. У пѣхоты кафтаны темносиніе однобортные. Рейтузы чернаго сукна, съ краснымъ кантомъ; толщиною въ добрый мизинецъ, съ внутренней стороны сплошь подшитые кожей, которая внизу идетъ кругомъ всей штанины и по канту имѣетъ разрѣзъ, облегчающій надѣваніе. Франты, преимущественно офицеры и вольноопредѣляющіеся, носятъ рейтузы слѣдующаго фасона: въ колѣняхъ туго, въ обхватъ, а книзу все шире и шире, такъ что у сапога у многихъ идутъ отъ подбора до самаго носка. Предоставляю судить, какъ это должно быть красиво, особенно сравнительно съ граціозными французскими *pantalons à la zouave*, трубою охватывающіе ногу въ подъемѣ.

Къ красотѣ прусской моды на штаны нужно еще прибавить, что у доброй половины Нѣмцевъ, особенно у дворянъ, ноги сложены на манеръ буквы *x* (болѣе или менѣе). Я цѣлую недѣлю смотрѣлъ на ноги всѣмъ встрѣчнымъ и убѣдился въ этомъ. Настоящихъ кавалерійскихъ ногъ, т. е. на манеръ буквы *o*, мнѣ почти не случилось здѣсь видѣть, а вмѣстѣ съ тѣмъ и истинныхъ типовъ кавалерійскихъ солдатъ.

Кирасирская, драгунская и пѣхотная каска — родныя сестры нашимъ, только граната на шпакѣ горитъ на нихъ какимъ-то другимъ пламенемъ, болѣе острымъ, и козырекъ не закругленъ, а имѣетъ два угла по бокамъ. Гусарскій киверъ похожъ на нашъ гвардейскій казачій, также съ краснымъ языкомъ, но нѣсколько больше и съ мѣдными чешуями, закладываемыми наверхъ.

Шинели темносѣрыя, длинныя и широкія, съ высокимъ, но мягкимъ цвѣтнымъ воротникомъ, застегиваемымъ четырьмя крючками. По буднямъ солдаты ходятъ одѣтыми не слишкомъ опрятно, за то щеголяютъ въ воскресенье: почти у всѣхъ есть собственные шаровары безъ кожи, новые доломаны, маленькія фуражки, вмѣсто форменныхъ кокошниковъ, и бѣлыя перчатки. Все это чисто и довольно красиво, но не очень ловко и не видно

солдатскаго шика, за исключеніемъ развѣ унтеръ-офицеровъ и трубачей, служащихъ по найму, на хорошемъ жалованьи (отъ 6 — 10 талеровъ въ мѣсяцъ, на семь готовомъ).

Говоря о конномъ ученьи, я забылъ упомянуть о сѣдѣльномъ уборѣ. Ленчикъ въ родѣ нашихъ прежнихъ, т. е. гораздо хуже нашихъ теперешнихъ (Станкевича); на немъ лежитъ тонкая, стеганая, кожаная подушка, а большая суконная попона, сложенная извѣстнымъ образомъ, служитъ потникомъ. Стремя широкое и очень легкое, что неудобно. Подпруги схожи съ оканчивающими у насъ свое существованіе. О новыхъ нашихъ подпругахъ я слышалъ здѣсь мнѣніе достойное замѣчанія: для того, чтобы весь тяжелый нашъ выюкъ, говорили мнѣ, держался на двухъ тоненькихъ подпругахъ, онѣ должны быть крѣпко подтянуты, при чемъ задняя непременно стѣснить дыханіе лошади, что, будучи повторяемо ежедневно, можетъ быть причиною хроническаго болѣзненнаго состоянія легкихъ или чегонибудь хуже. Прусскій мундштукъ очень легокъ и очищенъ отъ всякихъ ремней и ремешковъ, подвязанныхъ безъ цѣли, да еще съ странною претензіею служить украшеніемъ: собственно главный ремень, въ который вставляются удила (забылъ его техническое названіе), подбородникъ и переносье — вотъ и все, да и это-то все въ самопростѣйшемъ видѣ, безъ подкладокъ, гаекъ и проч. Удила легче нашихъ и менѣе строги, съ прямыми дужками, въ родѣ англійскихъ.

Въ строгомъ смыслѣ слова, прусская армія имѣетъ гораздо болѣе сходства съ обширною школой, устроенной для обученія всѣхъ здоровыхъ гражданъ солдатскому искусству, нежели съ арміею, съ отдѣльнымъ сословіемъ воиновъ. Извѣстно, что въ Пруссіи должны служить всѣ, что весьма справедливо относительно рекрутской повинности и въ случаѣ войны даетъ государству большую армію. Но если служатъ всѣ, то служатъ только три года. Въ теченіе этого времени, солдаты хорошо выучиваются, правда, всѣ премудрости мирной военной службы (тѣмъ болѣе, что частію подготовлены къ нимъ гимнастикой, которую, кажется, хотятъ завести при всѣхъ сельскихъ школахъ), но не только воинскаго и солдатскаго духа не набираются, и въ солдатскомъ платьѣ остаются мирными гражданами. Пруссаки говорятъ, что имъ и не нужно воинскаго духа, что въ 1813 году, когда пришлось постоять за родину, военный духъ

явился самъ собою (не знаю, отчего онъ не явился въ 1805 г., когда въ три недѣли вся Пруссія была покорена и крѣпости сдавались безъ выстрѣла). Можетъ быть, духъ явится, но я говорю не о томъ, что можетъ быть, а о томъ, что есть. Теперь же, какъ я сказалъ, въ прусской арміи есть только тяжелый духъ формализма, темповъ и даже зуботычинъ. Словомъ, знаменитый духъ «прусскаго капральства», вошедшій въ прошломъ столѣтіи въ пословицу въ цѣлой Европѣ, все еще царствуетъ здѣсь, хотя, разумѣется, въ болѣе мягкой и современной формѣ. Капрализмъ есть цѣль, къ которой стремятся офицеры и унтер-офицеры и достиженіемъ ея необыкновенно гордятся, въ томъ родѣ, какъ у насъ, въ старину, почитался отличнымъ служивымъ тотъ, кто могъ маршировать и нести на киверѣ полный стаканъ воды, не проливъ его. Большаго отъ Пруссаковъ ничего и не требуютъ, да и нельзя требовать: воинскій духъ если не лежитъ въ самомъ характерѣ націи, какъ, напримѣръ, у Французовъ, пріобрѣтается не на учебномъ мѣстѣ, а преданіями и воспоминаніями, которымъ здѣсь теперь не откуда взяться. Ветераны 1813 года уже давно не служатъ, а герои генеральнаго сраженія 1848 года или маневровъ могутъ вспомнить развѣ только о томъ, что, занимая такую-то позицію, третій взводъ, положимъ, ихъ эскадрона не выровнялся и Herr Rittmeister назвалъ его за то бараньими головами.

Многіе офицеры мнѣ прямо говорили, что если дѣло дойдетъ до войны съ Франціею за Рейнъ, о чемъ уже давно толкуютъ, то очень вѣроятно, что вначалѣ Пруссаки будутъ «любить», но конецъ непременно будетъ тотъ же, что и во времена первой имперіи, т. е. Нѣмцы восторжествуютъ и, въ свою очередь, побьютъ Французовъ. Не мнѣ объ этомъ судить: имъ дѣло должно быть лучше извѣстно; думаю однако, что если войско готовится къ войнѣ въ убѣжденіи, что его побьютъ, то его навѣрное и побьютъ.

Народъ гордится солдатизмомъ своего государственнаго устройства, но не слишкомъ довѣряетъ своему войску. Одинъ почтенный господинъ, кажется профессоръ, замѣтилъ разъ, въ моемъ присутствіи, другому; не менѣе почтенному господину, разсуждая о шансахъ войны съ Франціею:

«Развѣ наши новыя игольные ружья помогутъ! иначе, повѣрьте, повторится та же исторія, что была подъ Іеною.»

До какой степени въ нынѣшней прусской арміи царствуетъ

духъ мира и спокойствіе, весьма похвальный въ гражданахъ, но рѣшительно не дѣлающій чести арміи, ежедневно готовящейся сразиться съ Франціею, доказываетъ еще слѣдующая мысль, слышанная мною въ Берлинѣ на *публичной* лекціи капитана Н* о «военныхъ дѣйствіяхъ нынѣшняго времени» (*Die heutige Kriegsführung*).

Капитанъ Н* подробно разъяснилъ вліяніе усовершенствованнаго огнестрѣльнаго оружія на новѣйшія войны, упоминалъ, что теперь личная храбрость не столь важна, какъ вѣрная рука и глазъ (?), что большинство будущихъ сраженій будутъ, вѣроятно, рѣшаться безъ участія холоднаго оружія (??), и заключилъ лекцію слѣдующими словами, которыя я привожу почти буквально: «Я вообще плохо вѣрю въ холодную храбрость, въ храбрость, вошедшую въ привычку, такъ много прославленную особенно у французскихъ войскъ первой имперіи; не вѣрю въ людей, идущихъ въ бой не только равнодушно, но даже, какъ говорятъ, съ радостью, точно на праздникъ. Человѣкомъ невольно *долженъ* овладѣвать страхъ при видѣ грозящей опасности, и страхъ этотъ слѣдуетъ приписать не слабости человѣческаго духа, а самому устройству организма, имѣющаго нервы. По моему мнѣнію, хладнокровная храбрость такъ же невозможна, неестественна, какъ еслибъ чрезъ окна этой залы влетѣла теперь граната и никто изъ почтенныхъ слушателей не испугался бы такой неожиданности.» (Надобно замѣтить, что треть слушателей были женщины.) Я думаю, рубаки временъ Фридриха великаго повернулись бы въ гробахъ, еслибъ услышали такія слова; но правнуки ихъ покрыли оратора рукоплесканіями. Послѣднее его сравненіе нелѣпо: обстрѣленные войска, идущія въ бой, онъ вздумалъ сравнивать съ женщинами и людьми занятыми слушаніемъ лекціи, которыхъ такая неожиданность, какъ граната, разумѣется, поразила бы. Этотъ герой также имѣлъ медаль за Шлезвигъ-Гольштейнъ: ужь не по собственному ли опыту, добытому въ знаменитомъ сраженіи, судилъ онъ?

Послѣ жаркаго боя подѣ Башъ-Кадыкъ-Ларомъ, войска наши расположились бивуаками близъ поля сраженія. Зажглись костры, закипѣла въ котлахъ каша и пошла бесѣда о свѣжихъ подвигахъ. Подполковникъ Ш—ъ (нынѣ генералъ-майоръ), отъ котораго я лично слышалъ этотъ анекдотъ, подошелъ къ огнямъ баталіона Куринскаго (кажется) полка и спросилъ кучку разговаривавшихъ солдатъ:

— А что, ребята, съ кѣмъ лучше драться: съ Чеченцами или съ Турками?

— Съ Усманами, ваше выскблагородіе, сподручнѣе будетъ. Татарва покажется, выстрѣлитъ разъ, другой, да и драло въ горы, а тамъ ходи за нимъ, да жди, пока припрешь такъ, чтобъ некуда ему было дѣться, и онъ дастъ тебѣ подойти подъ себя. А эти такъ чистѣйшее дурачье: *видятъ, что мы идемъ, а не блуютъ.*

Жаль, господинъ капитанъ, что вы не можете сдѣлать психологическія наблюденія надъ такими субъектами: вы вѣрно и тутъ приписали бы все организму и объявили бы, что у нихъ нѣтъ «нервовъ». Да оно, знаете ли, и плохое дѣло, когда у солдата слабые нервы.

Офицеры кавалерійскихъ полковъ и гвардіи преимущественно дворяне; исключенія очень рѣдки, такъ какъ общество офицеровъ имѣетъ право рѣшить: можетъ ли такой-то быть принятымъ въ ихъ полкъ или нѣтъ, при чемъ, если кандидатъ не дворянинъ, то есть, на примѣръ, не фонъ-Миллеръ, а просто Миллеръ, то ему на этомъ основаніи и отказываютъ. Впрочемъ, кажется, и мало охотниковъ между недворянами къ военной карьерѣ. За то офицеры инженернаго и артиллерійскаго вѣдомства большею частью *bürgerliche*, на что добродушные бюргеры, отъ души ненавидящіе дворянъ, указываютъ съ особенною гордостью, такъ какъ пріемъ въ эти войска зависитъ не отъ выбора офицеровъ, а отъ экзамена.

Образъ жизни армейцевъ, весь ихъ бытъ, имѣетъ много общаго съ нашимъ. Я думаю, впрочемъ, что эта фраза болѣе или менѣе примѣнима къ офицерамъ всѣхъ армій, существующихъ на свѣтѣ. У меня въ рукахъ небольшая книжонка, описывающая военную нѣмецкую жизнь если не вездѣ гладкими, то по крайней мѣрѣ очень выразительными стихами, исполненными юмора: это «*Garnison-Geschichten von A. von Winterfeldt*». Посмотримъ, что за «исторіи».

Описывается городокъ немножко грязный, очень скучный, въ которомъ квартируетъ полкъ. Въ такихъ городахъ и у насъ нѣтъ недостатка, на примѣръ, хоть городъ Копыловъ въ «Мелочахъ военнаго быта», помѣщаемыхъ г. Фатѣевымъ въ «Современникѣ». Можетъ быть, нѣмецкій Копыловъ нѣсколько почище, благо жидовъ въ немъ поменьше.

И вотъ пріѣзжаетъ сюда вновь произведенный прапорщикъ, исполненный блестящихъ надеждъ. Онъ радуется эполетамъ,

красивому мундиру, радуется, когда солдаты называютъ его «Herr Lieutenant», что соответствуетъ нашему ваше благородіе, и уже разсчитываетъ, когда будетъ ротмистромъ. Но начинается служба, и его заставляютъ зимою вставать въ шесть часовъ, что, какъ извѣстно, и у насъ сопряжено со многими неудобствами, особенно, если комната не вытоплена. Начинаются различныя ученія, пѣшія и конныя, въ родѣ описанныхъ мною, выставленныя авторомъ особенно рельефно; все это нисколько не занимательно, и прапорщикъ доволенъ, когда, пообедавъ, можетъ отдохнуть въ уютной своей комнатѣ. Предварительно онъ заходитъ, однако, еще разъ въ конюшню, удостовѣриться, все ли въ порядкѣ около его гнѣдаго и есть ли въ ясляхъ кормъ; онъ треплетъ коня по шеѣ и затѣмъ уже входитъ къ себѣ, закуриваетъ трубку и начинаетъ смотрѣть въ окно.

Однако, скучно (юноша не подозреваетъ, что русскіе офицеры знаютъ отличный способъ не скучать послѣ обѣда: они ложатся спать; въ Германіи этотъ благодѣтельный обычай неизвѣстенъ).

— Слава Богу, говоритъ прапорщикъ: — вотъ идетъ кто-то изъ товарищей, а то ужъ я... гааааа... и онъ зѣваетъ и потягивается.

Товарищъ заходитъ, садится на диванъ и тоже закуриваетъ трубку.

Они сидятъ и курятъ. Наступаютъ сумерки—они все сидятъ и курятъ. Наконецъ одинъ нарушаетъ молчаніе:

— Что подѣлываетъ твой конь?

— Спасибо, ѣсть хорошо.

И опять длинная пауза. Вѣстовой входитъ съ графинномъ воды.

— Гдѣ же Боксъ? спрашиваетъ его гость.

— На кухнѣ, г. поручикъ, отвѣчаетъ вѣстовой и выходитъ нацыпочкахъ.

Уже совершенно стемнѣло, комната наполнилась дымомъ и друзья едва различаютъ другъ друга.

— Твой табакъ мнѣ, однако, очень по вкусу.

— Такъ набей себѣ еще одну трубку.

— Нѣтъ, благодарю, мнѣ пора домой.

— Спасибо, что зашелъ.

Гость накидываетъ шинель, затягивается еще раза три, отыскиваетъ впотьмахъ дверь и, выходя, напоминаетъ хозяйну, чтобы онъ не опоздалъ вечеромъ въ клубъ. Они расстаются

совершенно довольные другъ другомъ, почему прапорщикъ еще разъ зѣваетъ и потягивается. Видно, общій нашъ врагъ, скука,

Гостить и тутъ какъ надъ Невой,
Пойтъ васъ прѣсною отравой,
Ласкаетъ черствою рукой.

У насъ, впрочемъ, армейцы скучаютъ иногда иначе. Позвольте вамъ напомнить по этому случаю старій кавказскій анекдотъ. Поручикъ зашелъ вечеромъ къ штабсъ-капитану; они сидятъ у стола въ мрачномъ расположеніи духа, упорно молчатъ и курятъ, устремляя выразительные взгляды на заманчиво красующійся передъ ними графинчикъ водки.

— Да что и говорить! замѣчаетъ, наконецъ, съ глубокимъ вздохомъ штабсъ-капитанъ, наливаетъ себѣ рюмку и опрокидываетъ ее въ горло.

— Да ужъ лучше и не говорить, отвѣчаетъ поручикъ, дѣлаетъ отчаянный жестъ рукою и слѣдуетъ примѣру капитана. Вѣроятно, разговоръ ихъ продолжался долго; но не о томъ теперь рѣчь: возвратимся въ Пруссію, къ моей книгѣ.

Рѣшительно каждый вечеръ, акуратно въ шесть часовъ, всѣ офицеры сходятся въ лучшей гостинницѣ городка, въ которой они и обѣдаютъ. Это-то и есть клубъ или ресурсъ. Туда же собирается и уѣздная аристократія, состоящая изъ чиновниковъ, врачей и купцовъ; но съ нею офицеры не сходятся на короткую ногу и преимущественно держатся своей компаніи. Время проводится за картами, по маленькой, или просто за разговоромъ со стаканомъ вина и сигарою въ зубахъ; разговоръ вертится на извѣстныхъ предметахъ: лошади, служба, женщины, собаки, разныя похождения и т. д. Все идетъ чинно и прилично до чопорности, такъ что младшіе преимущественно молчатъ и слушаютъ. Потомъ всѣ ужинаютъ и часовъ въ одиннадцать расходятся.

Несмотря на богатство нѣмецкой военной литературы, офицеры читаютъ мало и предпочитаютъ ей обыкновенно мемуары *in-16 Rigolboche* (извѣстная парижская танцовщица) или чтонибудь въ этомъ родѣ. Людей, серьезно слѣдящихъ за своимъ ремесломъ, такъ же мало, какъ и у насъ. Поэтому и для нашего прапорщика развлеченіемъ служить только хожденіе въ воскресенье въ церковь, для высматриванія хорошенькихъ женщинъ, нѣсколько натянутыхъ вечеровъ, которые даетъ въ теченіе зимы полковой командиръ, и нѣчто въ родѣ пикника,

устроеннаго самими офицерами. Съ особеннымъ восторгомъ беретъ прапорщикъ первый отпускъ и отправляется домой съ тѣмъ, чтобы черезъ мѣсяцъ начать прежнюю жизнь.

Но проходятъ года, проходитъ двадцать лѣтъ, а прапорщикъ едва-едва только успѣлъ сдѣлаться поручикомъ. Волось его уже посѣдѣлъ и наполовину выпалъ, глаза потускли, блестящія надежды испарились, и онъ уже не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія ни на эполеты, ни на привѣтствіе солдатъ «*Heut Lieutenant*». А жизнь все идетъ да идетъ разъ заведеннымъ порядкомъ: все также онъ встаетъ въ шесть часовъ, бываетъ на пѣшихъ и конныхъ ученьяхъ, обѣдаетъ все въ той же гостинницѣ и радуется, если послѣ обѣда къ нему заходитъ товарищъ *ноболтать*. Все также проводитъ онъ вечера въ клубѣ и отъ времени до времени развлекается балами у полковника, пикниками, маневрами и каждые два, три года беретъ отпускъ.

Какъ видитъ читатель, большой разницы съ нашимъ образомъ жизни нѣтъ. Производство только у насъ не такъ туго, да натуры наши пошире, поразмашствѣе, почему мы не всегда въ состояніи пользоваться удовольствіями міра сего въ мѣру, какъ Нѣмцы, и любимъ иногда кутнуть на славу. Одинъ знакомый мнѣ полковой докторъ говорилъ даже, что, на основаніи науки, наша натура требуетъ изрѣдка какого-то потрясенія или волненія (что-то въ этомъ родѣ) для поддержанія въ организмѣ равновѣсія, а потому необходимо напиваться не менѣе одного раза въ мѣсяцъ, если хочешь сохранить свое здоровье. Въ «*Garnison-Geschichten*» есть также рассказы изъ солдатскаго быта; но я отсылаю любопытныхъ къ самой книгѣ.

Въ заключеніе выскажу убѣжденіе, что относительно хозяйственной части и еще *кой-чего* намъ можно поучиться у Пруссаконъ. Въ тактическомъ же, чисто военномъ отношеніи пора перестать ставить ихъ намъ въ образецъ послѣ такихъ школъ, какъ Севастополь и Кавказъ. Кажется, мы теперь уже *сами съ усами*. Можно закрутить ихъ и на свой собственный ладъ, но въ то же время, разумѣется, *мотать на усъ* то, что дѣлается на западѣ Европы.

В. ДЕТЛОВЪ.

Боннъ на Рейнѣ.

18 (30) декабря 1861 года.